
НАЦИЯ И ЭТНОС В ЕДИНОМ МИРЕ

Сафонов А. Л.

к. т. н., проректор по международным отношениям
Московского государственного индустриального университета,
доцент кафедры истории и социологии.

E-mail: zumsiu@rambler.ru

Орлов А. Д.

к. т. н., доцент кафедры «Гуманитарные науки»
филиала Московского государственного
индустриального университета
г. Жуковский Московской области.

E-mail: aorlov2004@rambler.ru

Актуализация этничности – одна из ключевых тенденций (проблем) глобализации. Выдвинута гипотеза, что нация и этнос – различные по генезу и механизмам функционирования социальные группы, в которых индивид участвует одновременно. Феномен одновременного участия в социальных группах с различными социальными статусами и ролями раскрывает механизмы реактуализации этничности и других дивергентных процессов, характерных для глобализации.

Ключевые слова: глобализация, этнос, этничность, нация, национальность, государство, социальная группа, реактуализация, конец истории, идентичность, дивергенция.

Actualization of the ethnicity is one of the key trends (issues) of globalization. The author hypothesizes that a nation and an ethnic group are different in the genesis and functioning social groups in which an individual participates simultaneously. The phenomenon of simultaneous participation in different social groups with different social statuses and roles reveals the mechanisms of reactualization of ethnicity and other divergent processes characteristic of globalization.

Keywords: globalization, ethnos, ethnicity, nation, nationality, the state, social group, reactualization, the end of history, identity, divergent.

Один из ключевых вопросов социальной теории глобализации – вопрос о соотношении этноса и нации как системообразующих социальных групп.

В европейской научной традиции Нового времени процесс исторического развития мыслится как поэтапное слияние низших, эволюционно более ранних общностей с образованием новых, более широких, и «отмиранием», деактуализацией, предшествующих. В частности, гражданская нация рассматривалась как трансформированный в ходе социального прогресса этнос, а существующие этносы – как реликты или пережитки догосударственных и раннегосударственных

стадий развития, не сумевшие развиться в государства и сохраняемые вместе с остатками докапиталистического уклада.

Такая модель поэтапного перехода к высшей стадии общественного развития через слияние частей в качественно новое однородное целое приводила к выводу, что на следующей, глобальной, стадии развития экономики с неизбежностью произойдет следующий этап унификации – слияние и, как следствие, «отмирание» базовых институтов предшествующей индустриальной эпохи – национального государства и наций, результатом чего будет возникновение глобального общества.

Очевидным недостатком модели развития через слияние более ранних общностей было игнорирование устойчивой этнокультурной мозаичности мира, включая Европу как лидера индустриального и постиндустриального развития: этнокультурная унификация всегда была существенной, но далеко не абсолютной тенденцией исторического развития.

Характерно, что сама идея необратимой трансформации этносов в нации демонстрирует явные признаки нормативного подхода, не столько описывая, сколько предписывая генеральное направление социального развития индустриальной эпохи – вовлечение социальной (аграрные общины и регионы) и этнической периферии в экономическую социальную и культурную жизнь национального государства.

При этом часто забывается, что характерная для индустриализма деактуализация этничности в XIX–XX вв. была не только и не столько результатом, сколько политическим инструментом формирования гражданских наций. Таким образом, характерная для Нового времени деактуализация этничности и религиозности отнюдь не доказывает, что механизм формирования наций можно свести исключительно к образованию национального рынка, объединяющего этнические территории, и конструированию политической вертикали «сверху».

Характерный для европейской социальной теории экономического детерминизм трактует глобализацию как непреодолимый, необратимый и безальтернативный процесс глобальной конвергенции. Считается, что растворение границ, размывание и атомизация национальных элит, монетизация всех неэкономических аспектов жизни уже в ближайшем будущем не оставит места для сколь угодно сложных и стабильных локальных общностей. **Таким образом, провозглашается не только «конец истории» (Фукуяма), но, по сути, и «конец социальных структур», «конец традиции» и как следствие – конец всей «цветущей сложности» как атрибута социальной формы развития материи.**

В итоге перспектива поэтапной конвергенции и социокультурной унификации локальных общностей вплоть до образования глобального сверхобщества с единой «общечеловеческой» идентичностью считается единственно возможной не только творцами и теоретиками западной модели глобализации с характерным для нее экономическим редукционизмом, но и ее критиками.

Между тем реальная глобализация с характерным для нее кризисом национального государства и национально-гражданской идентичности не только не ускорила «отмирание» этноса, но привела к неожиданному глобальному всплеску этничности и религиозности, их трансформации в новые виды социальных практик, устойчивой тенденции к росту многополярности и многосубъектности мирового развития [Сафонов, Орлов 2011а: 3–7].

Таким образом, вопреки ожиданиям конца XX в., одним из ключевых вызовов эпохи глобализации стала трансформация и реактуализация этничности в качественно новых условиях распада национальных государств и формирования единой мир-системы.

Неожиданный ренессанс этничности на рубеже XXI в. показал недостаточность, противоречивость и фрагментарность как конвергентной модели глобализации, так и социальной теории в целом, не сумевшей не только заранее предсказать глобальный кризис этноконфессиональной сферы, но и осознать его постфактум.

К основным теоретическим направлениям, объясняющим возникновение и развитие структурных объединений людей, таких как народности, этносы и нации, относятся примордиализм и конструктивизм. Примордиализм [Бромлей 1970: 51–55; 2009] рассматривает этносы и нации как непрерывно и преемственно возникающие и эволюционирующие социально-исторические организмы. Однако примордиализм более адекватно объясняет генез развития этносов на догосударственной и раннегосударственной стадиях, нежели особенности развития этноса на стадии индустриализма.

Конструктивизм рассматривает этнос и нацию как в основном искусственный политический и идеологический конструкт, создаваемый и трансформируемый элитами в ходе государственного строительства и политической борьбы [Тишков 1998; 2001].

Несколько особняком стоит близкая к примордиализму теория Гумилева с характерным для нее экологическим детерминизмом, рассматривающая этнос как устойчивый социобиологический субъект, проходящий сквозь социально-экономические формации [Гумилев 1970, № 1: 46–55; № 2: 43–50].

К разновидности примордиализма следует отнести цивилизационный подход, фиксирующий и акцентирующий, но не объясняющий устойчивое сохранение этнокультурных особенностей при смене экономических формаций и политических институтов.

Своеобразным «нулевым», тривиальным вариантом теории генеза этноса и нации является неolibеральная доктрина, считающая этническое и национальное второстепенными и преходящими локальными особенностями, исчезающими по мере формирования глобальных рынков и глобальных элит и не влияющими на объективно predeterminedный результат мирового развития.

Теория этноса, основанная на стадийном (формационном) подходе, рассматривает национальное как позднюю историческую стадию развития этнического. Соответственно, этнос рассматривается как потенциальная нация, находящаяся на раннегосударственной стадии развития, не успевшая или не сумевшая развиться, а нация – как *бывший* государствообразующий этнос, трансформированный и адаптированный в ходе становления более развитой общественно-экономической формации. Культурная преемственность обеспечивается через механизм трансформации этноса в гражданскую нацию, в ходе которой этнос отмирает, оставляя историческую память, интегрированную в национальную культуру [Бромлей 2009].

Формирование наций рассматривается как генетическое продолжение исторической эволюции первичного этноса в условиях сначала феодального, а в дальнейшем – буржуазного национального государства, в результате чего этнос «от-

мирает», постепенно перерождаясь в нацию, генетически связанную не с патриархальными, но с государственными социальными институтами.

Соответственно этническая идентичность рассматривается либо как «пережиток» патриархальности, культурный атавизм, закрепившийся в культурной «надстройке», либо как «недоразвитое» национально-государственное сознание культур-аутсайдеров. На этом убеждении, в частности, строилась концепция «национального строительства» в СССР на основе догосударственных и раннегосударственных этносов, а также концепция «национального освобождения» бывших колоний, до колонизации находившихся на догосударственной или раннегосударственной стадии развития.

Таким образом, основанная на экономическом детерминизме логика примордиально-стадиального подхода предполагает не только «отмирание» этноса по мере «превращения» в нацию, но и «отмирание» нации по мере становления глобального рынка и глобального информационного пространства. Из тенденции экономической глобализации делается вывод о неизбежности глобальной и тотальной этнокультурой конвергенции. Тезис об отмирании этноса и нации характерен и для современного отечественного конструктивизма [Тишков 1998].

Однако общественная практика последних двух десятилетий предметно доказала, что упрощенная логика привязки этнического и национального сознания к экономическому строю не согласуется с тем, что по мере развития экономической глобализации «пережитки» и «атавизмы» раннебуржуазной, феодальной и даже догосударственной эпох оказывают все большее влияние на массовое сознание и мировое развитие.

Убеждение в экономически и технологически (информатизация) предопределенном «отмирании» этнической и национальной идентичности с формированием глобально усредненного, хотя и стратифицированного, мирового социума характерно не только для последовательных глобалистов и неолибералов (в варианте Ж. Аттали – «бедные кочевники» и «богатые кочевники»), но и для их оппонентов левомарксистского толка – антиглобалистов и альтерглобалистов, предлагающих альтернативу неолиберальной социальной модели, но исключительно в рамках неизбежной, по их мнению, однополярной глобальной «Империи», тотальная власть которой не ограничена пространственными, социальными и даже временными рамками [Хардт, Негри 2004: 14].

Между тем оказалось, что по мере углубления глобализации и кризиса национальных государств этническая принадлежность не «сглаживается», не «ассимилируется» и не интегрируется в глобальную «мультикультурную» среду. Напротив, на фоне кризиса институтов национального государства все формы этнизма переживают период небывалого подъема и активно востребуются еще вчера пассивными, деидеологизированными и атомизированными массами.

В конечном счете предсказать или хотя бы объяснить постфактум «возвращение» этносов на историческую арену вопреки глобализации рынков экономический детерминизм не сумел.

Явная и повсеместная реактуализация этноса позволяет сделать вывод, что этническая и национальная (национально-государственная) идентичность, этнос и политическая нация – тесно связанные, но не тождественные социальные явления, ассоциируемые с различными социальными группами и социальными ролями.

Этнос и нация развиваются параллельно, но достаточно независимо и друг от друга, и от экономической сферы, составляющей для них внешнюю среду, безусловно влияющую на ход развития, но не определяющую его.

Иначе говоря, для современного этноса экономическая среда, определяющая физическое потребление и условия жизни – такая же внешняя среда, какой для более ранних форм этноса является природная экосистема (ландшафт), в которой различные этносы могут занимать различные социальные ниши, позволяющие извлекать жизненные ресурсы.

Вторая ключевая проблема социологии глобализации – вопрос о современном бытии крупных государствообразующих этносов как массовых социальных групп, составляющих достаточно независимую от политической и идеологической оболочки основу социума.

Своеобразным ответом на вызовы глобальной этнизации и ограниченность экономического детерминизма стал конструктивистский подход. Все более интенсивная политическая эксплуатация этничности создает ложное впечатление, что современная этническая идентичность – не более чем навязанный локальными элитами искусственный идеологический конструкт, продукт современных политических манипуляций, не имеющий глубоких исторических и социальных корней в связи с отсутствием, «отмиранием» самого этноса как живой и активной социальной общности.

Конструктивизм удовлетворительно описывает национальное строительство и генез политических наций, но не учитывает целого ряда особенностей современных процессов этногенеза и деструкции наций, в частности игнорирует современный этнос как объективно существующую социальную группу.

В целом известные теоретические подходы к проблеме этноса, сформировавшиеся до эпохи глобализации, объединяет неспособность предсказать реальные процессы этногенеза и социогенеза в качественно новых условиях глобального кризиса.

Таким образом, для построения адекватной теории современного этноса необходимо четкое разграничение сфер этнического и национального, основанное не на внешних атрибутах, а на сущностных особенностях этноса и нации как социальных групп. В частности, ранее авторами были предложены следующие тезисы [Сафонов, Орлов 2011в: 218–232]:

- Этнос и нация – не сменяющие друг друга стадии развития, но параллельные и часто конкурирующие сферы социального бытия: доминирование этнической идентичности оттесняет на второй план национально-государственную (национально-политическую), и наоборот, причем индивид входит как в нацию, так и в этнос. Этносы сохраняются, несмотря на глобализацию, и сохраняют культурно-историческую преемственность при смене общественных формаций, охватывая большинство населения. Государствообразующие этносы продолжают латентное (скрытое) функционирование, обратимо уходя в тень наций, и вновь проявляются при кризисе институтов национального государства – локальном или глобальном.

- Этнос и нация – качественно различные социальные группы, связанные с различными социальными позициями (социальными ролями), имеющие разный генезис и динамику развития.

- Различие феноменов этноса и нации заключается не во внешних атрибутах, а в механизме воспроизводства и функционирования этноса и нации как социальных групп. Механизм воспроизводства этноса – трансляция этничности через образ (способ) жизни и «структуры повседневности» [Бродель 1986].

- Механизм воспроизводства нации – взаимодействие индивида с институтами государства и гражданского общества, формирующее нацию как общность, осознающую себя через наличие общих (национальных) интересов, опосредованных национальным государством.

Проблема соотношения этноса и нации актуальна не столько для объяснения прошлого постфактум, сколько для анализа повсеместно нарастающего кризиса этнонациональных отношений как одной из ведущих угроз глобального «мультикризиса» [Сафонов, Орлов 2012: 114–125].

Вне поля зрения теории остаются механизмы и движущие силы этнизации и ее связь с кризисом национальных государств и национальной идентичности. В частности, на фоне всплеска этничности меньшинств и диаспор не осознавался рост проявлений этничности крупных государствообразующих этносов.

В качестве объективной движущей силы конкуренции и коэволюции этноса и нации следует рассматривать динамику их сравнительной социальной привлекательности и востребованности, то есть способности данных социальных групп инкорпорировать новых членов, удовлетворяя их существенные социальные потребности и интересы [Они же 2011б: 17–23].

Предпосылкой кризиса современных наций стало резкое сужение социальных функций государства, связанное с экономической глобализацией и размыванием среднего класса как массовой социальной базы нации. В достаточно короткий период государство утратило или резко сократило целый ряд жизненно важных для граждан функций и социальных гарантий.

Это привело к обесцениванию, деактуализации нации как интегрирующей социальной общности, сбалансированно обеспечивающей индивидуальные и групповые интересы своих членов.

Характерный для неолиберальной социальной политики «отказ от государственного патернализма», ставящий членов гражданского общества в ситуацию перманентной социальной нестабильности и тотальной взаимной конкуренции, оборачивается вынужденным отказом от лояльности государству и от потерявшей смысл гражданской солидарности, что также создает предпосылки для фрагментации нации и актуализации альтернативных социальных групп – прежде всего этнических и религиозных.

Часто высказывается мнение, что в условиях глобализации «наступает эпоха нормализации неустойчивых социально-идентификационных состояний личности» [Данилова, Ядов 2004: 30]. Теряющие социально-экономическую и психологическую опору члены обесцененной гражданской нации вынуждены искать новые, альтернативные социальные группы и идентичности, способные обеспечить их интересы в новых условиях, в результате чего идентичность индивида становится все менее стабильной и даже множественной [Гишков, Кисриев 2007: 96–115].

Тем не менее на практике выбор ведущей идентичности предельно узок и ограничен теми социальными группами, с которыми индивид и его окружение

уже связаны генетически и повседневно, и предрешен наличием у индивидов второй, этнической (и связанной с ней религиозной), идентичности, которая выходит из тени национальной и становится ведущей.

И действительно, практика глобализации, и, в частности, этнополитические процессы в постсоветских государствах, показывает, что **при распаде или ослаблении политической общности индивид «выбирает» свой этнос – «параллельную» нации социальную общность, в которой де-факто существует с рождения и с которой связывает будущее своих потомков независимо от трансформаций социальной среды.** Соответственно выбор религии также определяется прежде всего этнической принадлежностью. По сути, ситуация выбора этнической идентичности возникает только у детей от межэтнических браков.

Иначе говоря, глобализация, ослабляя формирующие нацию и национальное сознание гражданские и политические институты, ведет к замещению их институтами традиционного общества и обычным правом, то есть к распаду политических наций на этносы, которые все больше делокализуются, выходят за пределы этнических территорий и приобретают форму глобальных этносов, глобальных этнических диаспор, которые все чаще конкурируют с государствами и транснациональными корпорациями не только за ресурсы, но и за политический контроль.

Противоречие глобализации заключается в том, что этнос, включая его современные формы, адаптированные к глобальной социально-экономической среде, не может служить социальной основой для современной глобальной экономики и ее технологической инфраструктуры, обеспечивающей сравнительно устойчивое и мирное сосуществование 6 млрд людей, принадлежащих к разным этносам.

Выйдя из тени гражданского общества, современный этнос остается продуктом достаточно архаичной самоорганизации на основе родственных и клановых связей и донаучных форм общественного сознания и ориентирован на присваивающие формы хозяйства и жесткую межэтническую конкуренцию как единственный способ расширения ресурсной базы этноса.

На практике это означает, что в условиях глобализации **политической и экономической формой существования современных этносов и этнических диаспор часто становятся этнокриминальные сообщества.** Так, ярким примером институализации современного этноса в условиях глобального мира может служить албанская диаспора, в исторически короткий срок после открытия границ резко усилившая позиции в международной криминальной экономике, доходы которой многократно превышают национальный доход Албании как государства.

Таким образом, на постиндустриальном этапе мирового развития этнизация зачастую становится индикатором и одной из форм системного социального регресса, массовой десоциализации, маргинализации и криминализации населения, а часто – катализатором необратимого распада гражданских наций.

При этом современные этносы, возвращаясь на историческую арену в качестве политических субъектов, акторов мирового процесса, всегда сохраняют прямую генетическую преемственность по отношению к более ранним формам бытия, характерным для доиндустриального, традиционного общества.

Вопреки утверждениям конструктивистов о возможности «конструирования» современного этноса по аналогии с гражданской нацией, достоверно установлен-

ных случаев «конструирования» совершенно новых этносов конструктивисты не приводят. Обычно «конструирование» этносов на поверку оказывается политизацией или актуализацией уже существующих этнических групп, либо трансформацией этнических элит. Таким образом, применительно к этносам, политическое конструирование позволяет влиять на трансформации уже существующего этноса, но не создавать его произвольно, как политические и корпоративные социальные группы.

В результате глобализация и вызванный ею кризис гражданских наций и социального государства создают ситуацию, когда этнизация и сопутствующая ей клерикализация общества с его распадом на враждебные религиозные общины дополнительно ускоряют и углубляют порождающий их кризис гражданских наций.

С точки зрения современной общественно-научной традиции устойчивое существование этносов и наций (этнической и национальной компонент) на протяжении ряда социально-экономических формаций, включая современный период глобализации, кажется далеко не очевидным.

С одной стороны, осознанию сосуществования этноса и нации как самостоятельных социальных институтов мешала категориальная неопределенность, связанная с эволюцией соответствующих понятий (нации и национального, этноса и этнического). Так, само понятие «этнос» вошло в широкий научный обиход только в конце XX в.

Основным препятствием для осознания устойчивого бытия этничности в условиях индустриализма и постиндустриализма было убеждение в «остаточности» и соответственно все меньшей актуальности этничности, якобы быстро и необратимо уничтожаемой по мере изменения образа жизни (урбанизация, миграция), унификации массовой культуры сначала на национально-государственном, а затем и на глобальном уровне.

И действительно, первичный, «примордиальный» этнос в качестве предмета классической этнографии с такими его атрибутами, как устная эпическая традиция, этническая обрядность с песнями и танцами, ремесла, языки и локальные диалекты, в течение XX в. действительно прекратил существование. Общеизвестны и причины – всеобщее образование, урбанизация и миграция, всеохватывающие электронные СМИ, а в последние десятилетия – глобализация, существенно усилившая все унификационные социальные механизмы. Таким образом, с точки зрения этнографии и фольклористики этносы, особенно государствообразующие, «исчезли» еще в середине прошлого века.

Характерно, что большинство институтов национального государства, определяющих социальную позицию индивида, нечувствительны к этнической принадлежности. Провозглашая равноправие граждан независимо от альтернативной групповой принадлежности, национальное государство целенаправленно деактуализирует все параллельные властные и социальные институты, включая не только религию и сословность, но и этническую принадлежность. Деактуализация этничности была и остается одним из базовых инструментов формирования гражданских наций и других политических общностей.

Между тем далекие от философских обобщений полевые социологические исследования, включая переписи, уверенно фиксируют наличие у подавляющего большинства населения, включая население мегаполисов, отчетливой и устойчи-

вой этнической идентичности, отличной от национально-государственной [Старовойтова 1987: 125–126].

В конечном счете в ходе политического строительства этнос не «отмирает» и не трансформируется в нации, а обратимо вытесняется из сферы политических и производственных отношений в сферу частной и семейной жизни. Однако такое вытеснение на латентный уровень, «маскируя» этнос, придает ему гораздо большую стабильность и независимость от социальных кризисов и трансформаций экономического и социального порядка.

Очевидно, суть феномена этничности и его независимости от государственно-гражданской сферы – не столько во внешних атрибутах, сколько в механизме воспроизводства этничности – непосредственной социальной наследственности, не опосредованной внешними социально-политическими институтами и включающей в себя трансляцию этнической идентичности и характерных для этноса образа жизни, ценностей и моделей социального поведения через механизмы длительного, повседневного повторяющегося взаимодействия, подражания и социально-ролевого поведения в ближайшем, как правило, родственном и соседском социальном окружении. На социальную основу современной этничности, принципиально отличную от политических институтов гражданского общества, обратил внимание школа Фернана Броделя, который ввел понятие «структур повседневности», хотя последовательно стоял на позициях экономического детерминизма.

Иначе говоря, этничность воспроизводится через длительное погружение личности в образ жизни и «структуры повседневности» этноса. Более того, именно в «структурах повседневности» и социальных сетях семьи и ближайшего социального окружения идет само становление личности с первых месяцев жизни, в том числе формирование структур и функций головного мозга, импринтинг идентичности и поведенческих стереотипов.

Соответственно внешние атрибуты этноса – этническая территория, язык, религия, культура – оказываются лишь производными от основы этничности – непосредственной межпоколенной социальной наследственности, основанной на длительном и тесном социальном взаимодействии в рамках «структур повседневности» и образа жизни.

Из природы этничности, основанной на образе жизни, массовых и повседневных горизонтальных социальных взаимодействиях, вытекают характерные для этноса как типа социальной группы свойства – высокая инерционность, эволюционный, непрерывный и преемственный характер изменения, сохраняющий не только символическую, но и прямую преемственность современных этносов по отношению к исходным, примордиальным, этносам далекого исторического прошлого.

Создание политической нации не уничтожает государствообразующий этнос, а вытесняет его в сферу частной, повседневной жизни, используя для государственного строительства язык, территорию, культурные особенности и самое главное – человеческий ресурс государствообразующего этноса.

Это означает, что **и в эпоху глобализации этнос с его механизмами горизонтальных децентрализованных связей и социальных сетей далек от исчезновения хотя бы в силу того, что составляет повседневную социальную среду**

индивида вне зависимости от одновременного участия индивида в других социальных группах.

Существование этноса и нации как взаимодополняющих социальных институтов дает возможность по-новому взглянуть на динамику социальных кризисов и катастроф, таких как революции, реформы и внешние завоевания.

В частности, в период социальных кризисов и катастроф именно социальная активность государствообразующего этноса позволяет возобновить национально-политическую надстройку и сохранить культурно-историческую преемственность даже при радикальном обновлении элит, смене государственной идеологии или внешнем завоевании.

Образуя видимую целостность (единство языка, территории, культуры...), государствообразующий этнос и соответствующая ему политическая нация сохраняют свою разнокачественность и самостоятельность, развиваясь с разной динамикой и инерционностью. Из разнокачественности и конкурентности сфер этнического и национального вытекает и наблюдаемая сегодня глобальная этнизация обществ как объективное следствие кризиса гражданских наций и разрушения социальных институтов.

Одним из практических доказательств параллельного существования нации и этноса как самостоятельных социальных групп является широкая распространенность полиэтнических наций и полинациональных этносов: границы этноса могут включать более одной гражданской нации, границы нации обычно шире отдельного этноса.

Так, большинство европейских наций включают заметную долю иноэтнического населения, представляющего, в частности, государствообразующие этносы соседних государств, но при этом полностью интегрированных в гражданскую нацию государства проживания, как, например, проживающие во Франции итальянцы. Нация швейцарцев состоит из этнических германцев и этнических французов, финская нация включает заметный процент неассимилированных шведов и т. п.

К типичным полиэтническим нациям, члены которых устойчиво сохраняют групповую этническую идентичность, можно отнести американскую нацию. Успешным примером национального строительства, опровергающим распространенный после распада СССР тезис о «неизбежности» распада «империй», под которыми понимаются полиэтнические государства с компактным расселением этнических меньшинств, может служить Индия, где этносы, в отличие от США, расселены в пределах исторически сложившихся этнических территорий.

В целом примеры США и Индии позволяют сделать вывод, что известная теория национального государства как «плавильного котла», некритически переносимая на глобальный уровень, не работает даже на уровне полиэтнических наций.

Одно из доказательств самостоятельного бытия этноса и нации как пересекающихся, но нетождественных социальных групп – несовпадение связанных с ними социальных статусов и ролей, что известно в социологии как «феномен одновременного участия» [Штомпка 2005: 199–201]. В условиях социальной нестабильности проявлением этого феномена становится конфликт социальных статусов, связанных с различными группами [Сафонов 2012: 13–16].

Так, примером феномена одновременного участия индивида в нации и в этносе как двух самостоятельных и различных по социальной природе социальных группах является **распространенность многонациональных этносов, то есть этносов, составляющих существенную долю населения более чем одного государства**. В целом этносы, разделенные между несколькими государствами и входящие в состав соответствующих наций, – распространенное в мире явление [Балашов 2008: 3–10].

По сути, в условиях глобализации этносы становятся не просто «полинациональными», а все больше отрываются от своих этнических территорий пространственно, усиливая интеграцию за счет глобальной экономической и информационной связности.

Предлагаемое разграничение этноса и нации как пересекающихся, но различных по природе и функциям социальных групп позволяет уточнить области применения известных концепций этногенеза и социального развития.

Таким образом, **в условиях глобализации и даже «постглобализации», то есть уже сформированной глобальной экономической и социальной среды, этносы не только выходят из тени гражданских наций, но и закономерно приобретают форму глобальных политических акторов, участвующих в мировых процессах наряду с государствами и корпорациями**. Одной из значимых форм реактуализации этносов становится этнический и религиозный фундаментализм.

В то же время современные этносы, тяготеющие к сфере распределения и присваивающим формам хозяйствования, как и корпоративные структуры, не обеспечивают полноценного воспроизводства современных производительных сил и социальных институтов, необходимых для устойчивого развития экономики и базовой социальной инфраструктуры. Снижая значимость нации и связанных с ней социальных ролей и статусов, этнос не способен адекватно ее заменить, так как основа сложнейшей системы разделения и кооперации труда, необходимая для воспроизводства техносферы, связана с институтами государства.

Предлагаемая модель одновременного участия индивида в нации и этносе как несовпадающих социальных группах позволяет четко определить и разграничить понятия этноса и нации, уточнить области применимости известных социологических концепций, а также объяснить парадоксальный характер и движущие силы современного этногенеза.

Литература

Балашов Ю. А. Разделенные народы в мировых политических процессах: история и современность. Н. Новгород : Медина, 2008. С. 3–10. (Balashov Yu. A. Divided nations in world political processes: History and present. N. Novgorod: Medina, 2008. Pp. 3–10).

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М. : Прогресс, 1986. (Brodell F. Material civilization, economy and capitalism, the 15–18 centuries. Vol. 1. Structures of daily life: Possible and impossible. Moscow: Progress, 1986).

Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2. С. 51–55. (Bromley Yu. V. To the question of essence of ethnos // Nature. 1970. No. 2. Pp. 51–55).

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. 3-е изд., испр. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. (Bromley Yu. V. Sketches of theory of ethnos. 3rd ed., revised. Moscow: Librokom, 2009).

Гумилев Л. Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1. С. 46–55; № 2. С. 43–50. (Gumilev L. N. Ethnogenesis and ethnosphere // Nature. 1970. No. 1. Pp. 46–55; No. 2. Pp. 43–50).

Данилова Е. Н., Ядов В. А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социс. 2004. № 10. С. 27–30. (Danilova E. N., Yadov V. A. Unstable social identity as a norm of the modern societies // Sotsis. 2004. No. 10. Pp. 27–30).

Сафонов А. Л. Национальное и этническое: феномен одновременного участия // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: сб. науч. трудов: в 2 ч. Ч. 1 / науч. ред. Д. Ш. Цырендоржиева. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. С. 13–16. (Safonov A. L. National and ethnic: A phenomenon of simultaneous participation // International and inter-confessional relations in the conditions of globalization: Collection of scientific works: in 2 parts. Part 1 / Ed. by D. Sh. Tsyrendorzhiev. Ulan-Ude: Buryat State University, 2012. Pp. 13–16).

Сафонов А. Л., Орлов А. Д. Глобализация и проблема предзаданности мирового развития // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 14. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2011а. С. 3–7. (Safonov A. L., Orlov A. D. Globalization and the problem of predetermination of world development // Bulletin of Buryat State University. Issue 14. Philosophy, sociology, political science, cultural science. Ulan-Ude, 2011a. Pp. 3–7).

Сафонов А. Л., Орлов А. Д. Глобализация как дивергенция: кризис нации и «ренессанс» этноса // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2011б. С. 17–23. (Safonov A. L., Orlov A. D. Globalization as divergency: Crisis of nation and 'Renaissance' of ethnos // Bulletin of Buryat State University. Issue 6. Philosophy, sociology, political science, cultural science. Ulan-Ude, 2011b. Pp. 17–23).

Сафонов А. Л., Орлов А. Д. Этнос и нация как субъекты глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2011в. № 4. С. 218–232. (Safonov A. L., Orlov A. D. Ethnos and nation as subjects of globalization // Social and humanitarian knowledge. 2011v. No. 4. Pp. 218–232).

Сафонов А. Л., Орлов А. Д. Глобализация: кризис мировой системы как система кризисов // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 2. С. 114–125. (Safonov A. L., Orlov A. D. Globalization: Crisis of the world system as the system of crises // Social and humanitarian knowledge. 2012. No. 2. Pp. 114–125).

Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном городе. Л., 1987. (Starovoi-tova G. V. Ethnic group in the modern city. Leningrad, 1987).

Тишков В. А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26. (Tishkov V. A. Forget about the nation (post-nationalist understanding of nationalism) // Philosophical Questions. 1998. No. 9. Pp. 3–26).

Тишков В. А. Этнос или этничность? Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001. (Tishkov V. A. Ethnos or ethnicity? Ethnology and politics. Scientific journalism. Moscow: Nauka, 2001).

Тишков В. А., Кисриев Э. Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 96–115. (Tishkov V. A., Kisriev E. F. Multiple identities between theory and politics (as an example Dagestan) // Ethnographic Review. 2007. No. 5. Pp. 96–115).

Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М. : Праксис, 2004. (Hardt M., Negri A. Empire / Transl. from English ed. by G. V. Kamenskaya, M. S. Fetisova. Moscow: Praxis, 2004).

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. (Shtompka P. Sociology. Analysis of the modern society. Moscow: Logos, 2005).